

ДАРОВОЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ

Заметки, которые я предлагаю вашему вниманию, возникли далеко не случайно. В течение двух лет я была одним из руководителей фольклорной практики студентов-филологов Коломенского пединститута, которая проходила в селе Даровом Зарайского района. Однако общение с местными жителями, запись их рассказов стали только небольшой частью нашей работы: студенты очищали пол храма, который хранит память о Ф. М. Достоевском, занимались расчисткой «Фединой» роши. И всё же, думается, нам удалось собрать и записать материалы, которые будут интересны тем, кто небезразличен к истории родного края, к имени Ф. М. Достоевского.

«Уважение к минувшему» – вот что отличает образованность от дикости, утверждал Александр Сергеевич Пушкин. Горькую глубину этих слов великого поэта особенно остро ощущаешь, когда думаешь о судьбе родной культуры. Не о культуре вообще, а о том «родном пепелище» и «отеческих гробах», которые находятся совсем рядом и по которым мы равнодушно шлёпаем, не желая замечать, что ходим-то по костям наших предков.

В двенадцати километрах от подмосковного города Зарайска находится село Даровое. В «Зарайской энциклопедии», составленной местным краеведом В. И. Полянчевым в 1995 году, читаем: «Даровое (Доровое, Дуровое, Дворовое, Даровая. ... 2 дома, 3 жителя: 1 мужчина, 2 женщины.»¹. Рядом село побольше, с красивым и тревожным названием – Моногарово (местные жители говорят, что было Многогарово – горело сельцо часто). В сторону от Дарового в двух километрах – деревенька Черемошня, совсем крохотная (чуть более десятка дворов), удаленная от всех проезжих дорог. Название её произносят по-разному: Черемошня, Черёмошня (черёмух было много вокруг), Черемошна, но местные жители –

обязательно без второго «е» – Чермошна.

Все эти три «населенных пункта» – часть истории нашей культуры, великой русской литературы. Здесь прошло детство Федора Михайловича Достоевского: с 1832 по 1837 год каждое лето семья Достоевских жила в Даровом. Здесь будущий писатель пережил самые светлые, безмятежные ощущения от общения с природой, с простым народом, отголоски которых позже зазвучат во многих произведениях, когда герои в воспоминаниях будут переноситься из безрадостных будней в безоблачное детство. Приметы пейзажа Дарового отразились в воспоминаниях детства Вареньки Добросёловой («Бедные люди»), рассказчика повести «Село Степанчиково и его обитатели», Ивана Петровича («Униженные и оскорбленные»), рассказчика «Маленького героя».

«Я помню, у нас в конце сада была роща, густая, зеленая, тенистая, раскидистая, обросшая тучною опушкой. Эта роща была любимым гулянием моим... перебежишь лужайку, как ветер, задыхаясь от быстрого бега, боязливо оглядываясь кругом, и вмиг очутишься в роще, среди обширного, необъятного глазам моря зелени, среди пышных, тучных, широко разросшихся кустов... осторожно пробираешься в чащу... и мрачнее становится лес, чернее и гуще пестрят гладкие пни дерев, где начинаются овраги, крутые, темные, заросшие лесом, глубокие, так что верхушки дерев наравне с краями приходятся... Резко напечатлелся в памяти моей этот лес, эти прогулки потихоньку...», – воспоминания Вареньки Добросёловой, бесспорно, питаются очень сильными впечатлениями самого автора.

«Это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где всё полно для меня самыми дорогими воспоминаниями», – писал Достоевский уже в зрелом возрасте².

Здесь же, в Даровом, будущий писатель

испытает одно из самых страшных потрясений юности, которое тоже будет изживать в своих произведениях, – смерть отца, Михаила Андреевича Достоевского, смерть загадочную, возможно, насильственную. Подросток Достоевский не мог не знать о той драме, которая разыгралась в Даровом после смерти матери: преданно прослужив отечественной медицине 25 лет, потеряв супругу, не имея опыта ведения сельского хозяйства, находясь на грани полного разорения, отец, очевидно, впал в отчаяние. Чем же иным как ни этими юношескими воспоминаниями, этим жгучим сыновним стыдом, рождены образы порочных стариков? Не в них ли истоки образа Федора Карамазова?

Казалось бы, совершенно очевидно, что этот «уголок земли» должен быть сохранен, превращен в историко-культурный заповедник, ведь даже местная топонимика до сих пор хранит память о Достоевских: Федин овраг и Федина роща – очевидно, эти топонимы более позднего происхождения, урочище Острог (этот лесок, расположенный совсем рядом с Даровым, конечно же, был хорошо знаком Достоевскому в детстве), урочище Лоск, на краю которого маленьким мальчиком Достоевский встретился, спасаясь от волка, с мужиком Мареем – этот эпизод детства писатель вспомнит на каторге, и воспоминание это поможет ему пережить, наверное, самое страшное жизненное испытание. Простой мужик, утешивший маленького барина, осенивший его крестом, – для Достоевского этот образ станет символом всего русского народа – народа-богоносца.

Время оказалось не так уж и безжалостно к родовому гнезду Достоевских: сохранилась липовая роща, когда-то окружавшая барскую усадьбу. Да и сам дом стоит, на том же месте, пусть только часть строения, без конюшен и хозяйственных построек, пусть перебранный и перестроенный в более позднее время: в доме жила сестра писателя Вера Михайловна Иванова, а потом ее дочери, родные племянницы Достоевского, которых до сих пор помнят местные старожилы. Но самый подлинный и древний свидетель детства

великого писателя – церковь села Моногарова, построенная в 1763 году, украшенная колокольной в 1822. Семья Достоевских ходила на службу в эту церковь, хотя находилась она во владениях соседа – помещика П. П. Хотяинцева. Может быть, эти детские воспоминания потом отразятся на страницах романа «Преступление и наказание», когда маленький Раскольников «почтительно» целует крест?

Моногаровская церковь Сошествия Святого Духа в XX веке разделила общую судьбу Русской Церкви: закрытая в 30-ые годы, она была превращена в производственное помещение. Здесь в разное время размещались клуб, магазин, цех по выпечке хлеба, склад комбикорма, хранилище цемента; в колокольне складировались химические удобрения. За годы цемент окаменел, и им до сих пор «залито» значительное пространство церкви. Из полуметровой глубины мы извлекали остатки лепнины, когда-то украшавшей потолок и стены храма. Под слоем окаменевшего цемента обнаруживали мы следы нашей родной «дикости», которая отличает нас от образованности – огромные железные детали каких-то механизмов, может быть, части бетономешалки; под слоем полуразложившейся мешковины нашли хорошо сохранившийся журнал прихода и расхода комбикорма. Мы докопали до пола, выложенного плиткой (белые и черные квадраты), очевидно, так выглядел пол и в XIX веке.

Непонятно, почему сейчас, когда везде идет восстановление разрушенных храмов, Моногаровская церковь до сих пор зияет пустыми глазницами окон? Может быть, дело в том, что коренных жителей Дарового и Моногарова можно пересчитать по пальцам? А дачники из ближнего и дальнего Подмосковья без стеснения задают приехавшим студентам вопрос: правда, что вы нашу церковь восстановите и еще и дорогу построите? После предложения помочь вывезти из церкви химические удобрения любопытствующих нашей работой сразу поубавилось. Но даже в разрушенный храм идут люди. Отец

Григорий, священник из Зарайска, проводит службу в престольные праздники в той части храма, где пол расчищен. Жительница Дарового Валентина Ивановна Ступина, которой уже за 70, окашивает дорогу возле храма. Кстати, в первые дни нашей работы она привела к нам своего внука Максима, ученика третьего класса Зарайской школы, и это был единственный доброволец, ежедневно по 6 часов долбивший цемент со студентами.

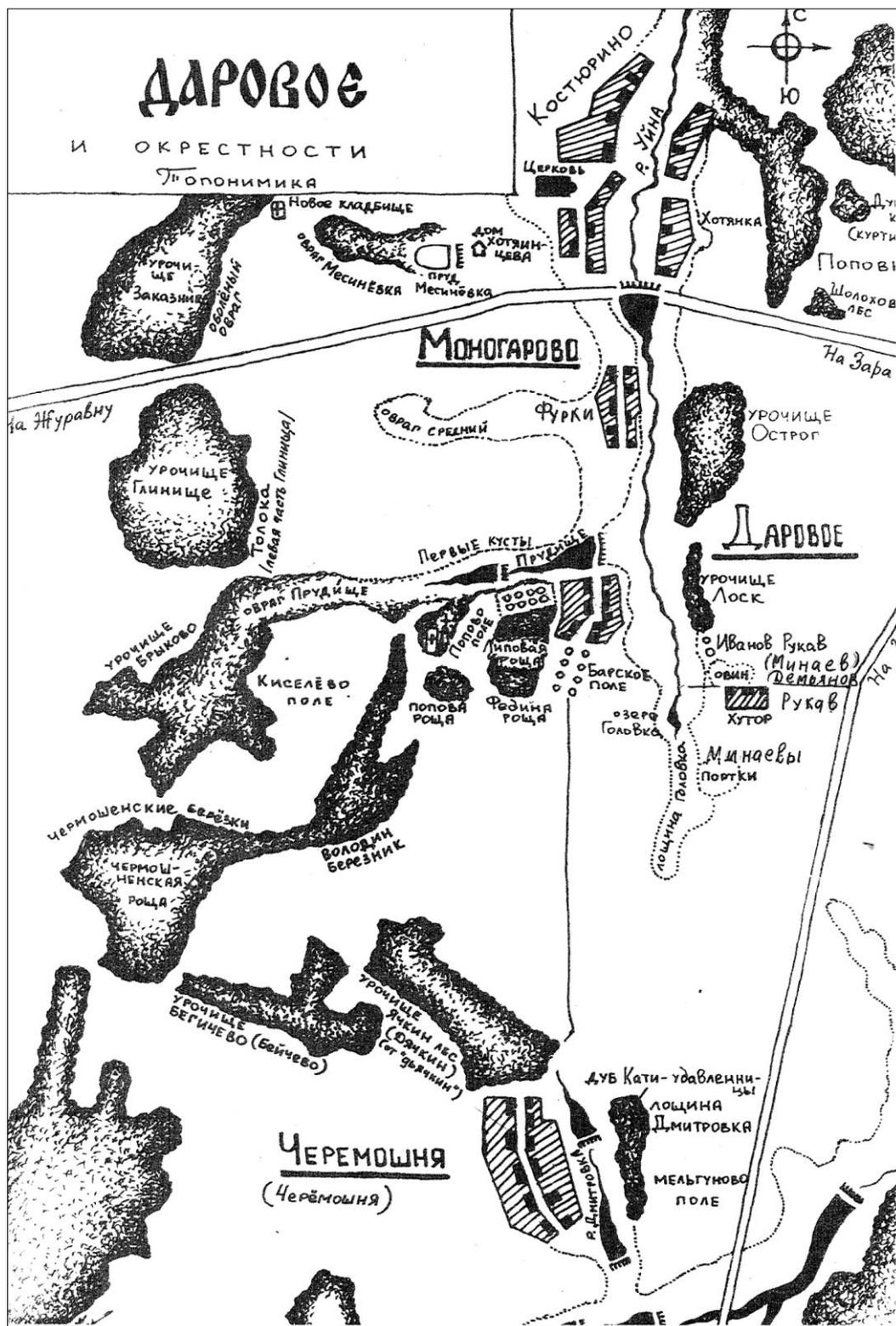
А ведь сейчас еще церковь можно восстановить в том виде, в каком она существовала по крайней мере в начале XX века. Еще живы люди в окрестных деревнях, которые помнят ее до разорения. Восьмидесятидевятилетняя жительница деревни Черемошня Мария Михайловна Ксенофонтова рассказала нам, что ее дедушка Иван Васильевич Мелехов был церковным старостой в Моногарове. Она помнит, что вокруг церкви росла сирень, а из внутреннего убранства храма назвала икону «Христос на кресте» (очевидно, распятие), икону Божьей матери и Николая-угодника. Конечно, эти три иконы, наверное, можно встретить в любом деревенском храме. И все же рассказ Ксенофонтовой свидетельствует, что еще можно собрать и воссоздать какие-то важные детали этой далекой истории: «Какая-то учительница из Моногарова пожгла иконы из церкви. Ленин запретил, чтобы было много молящихся, но мы все равно ходили в Струпну (соседняя деревня, где была действующая церковь – *Т. К.*)». Мария Михайловна вспомнила ещё одну интересную деталь: «В храме сначала клуб открыли. Ну и баба одна, Маруся Митина, пошла цыганочку плясать и ногу себе сразу сломала. А мы все и сказали: ну и Бог тебя наказал!»

Немного помнит церковь действующей и Валентина Ивановна Ступина (в девичестве Трушина): «Помню, как били колокола. Один звенел громко, на всю округу». У этой женщины с храмом связано много воспоминаний: «Сама помню в войну, когда в церкви пекли хлеб. После войны в церкви работала кладовщиком – здесь было всё для лошадей: сбруи, хомуты, вилы – я всё

отпускала. Потом был цемент – строили скотный двор и телятник».

На топонимической карте Зарайского района еще много белых пятен. Кстати, некоторые из них были заполнены студентами. Нам удалось узнать названия всех частей Моногарова: Фурки (эта часть Моногарова примыкает к Даровому), Поповка, Хотянка и Костюрино. Очевидно, такое разделение восходит к XIX столетию, когда владельцами Моногарова были сразу несколько помещиков. Название «Хотянка» связано с расположением старого помещичьего дома Хотяинцевых (один из вариантов – Вшивая Хотянка), Поповка – район ныне заброшенного дома причта, Костюрино – часть села за Моногаровской церковью, в сторону реки Кощейки. Название связано, очевидно, с фамилией помещицы Костюриной, когда-то владевшей частью имения и похороненной у Моногаровской церкви. Многие названия сохранили легенды, которые до сих пор бытуют в Даровом – Моногарове – Черемошне. Левая часть урочища Глинище называется Толокой (очень ягодное место, поэтому там много народа толклось), в центре урочища Заказник есть Оболённый овраг (там много обвалившихся глыб, даже днем из оврага можно звезды увидеть), по пути в Трегубово есть ложбина Грустынка (там даже в самый солнечный день сумрак и «странное сгущение воздуха»), речка Кощейка тоже названа неслучайно (вода «синяя-синяя, холодная, мертвая, кощеева»), Миленин лес и Миленин пруд (с ними связаны страшные, мистические истории – там жили беглые каторжане, прятались дезертиры) – в этом лесу можно было заблудиться и долго плутать.

За основу мы взяли топонимическую карту, составленную В. И. Полянчевым. Две студенческие экспедиции позволили значительно дополнить её: кроме топонимов, названных выше, на карте появился также Минаев рукав (варианты – Иванов, Демьянов рукав) – лощина (овраг) между урочищем Лоск и прудом Головка. Место, где овраг раздваивался, называлось Минаевы Портки. Последний лес перед поворотом на Даровое

имеет очень странное название – Букинские корьки.

Нами были нанесены на карту также куртинка Дубняшки и Шолохов лес, расположенные к востоку от Моногарова (часть Хотянка), Мельгуново поле, расположенное по пути из Черемошни в Назарьево; Первые Кусты – небольшая роща по краю оврага Прудище, пруд Месинёвка.

Нами было установлено также, что одна и та же местность в разных населенных пунктах обозначается по-разному, расхождения в названиях встречаются даже в пределах одной местности. Так, Ячкин лес именуется в Черемошне Дячкиным и Дьячкиным лесом, урочище Бегичево чаще всего называется Беичево, одна и та же ложбина зовется Иванов – Минаев – Демьянов Рукав. В Черемошне Черемошинская роща называется Володин березник.

Это далеко не все из топонимических находок, которые нам удалось собрать за время нашей экспедиции. Вообще, местные жители, и пожилые, и сравнительно молодые, убеждены, что живут они в очень необычном месте. «Места гиблые, мистические, жутко разбойные, – рассказывала нам одна из жительниц Дарового, – раньше мужики ходили на разбой с кистенем на большую дорогу». В Черемошне жителей Моногарова называли не иначе как моногаровские жулики.

Но больше всего легенд связано со смертью Михаила Андреевича Достоевского. Память народная избирательна: вот зацепится в сознании одного человека какая-то деталь – яркая, необычная... и пошло-поехало, сотни вариантов одного такого рассказа будут храниться, украшаться новыми деталями. И никакими фактами этих мифов уже не опровергнуть. Слушая местных жителей, мы часто вспоминали двух гоголевских героинь из «Ночи перед Рождеством», которые вели жаркий спор: повесился кузнец Вакула или утопился?

Можно ли сегодня отделить миф от реальности? Отец писателя, Михаил Андреевич Достоевский, бесспорно, человеком был весьма достойным: он

происходил из старого дворянского рода, позже утратившего дворянство. «Он рано покинул отцовский дом, уехал в Москву и поступил, как значится в его «Послужном списке», «казенным воспитанником» в Медико-хирургическую академию. Он вышел из академии студентом 4-ого курса в 1812 году. <...> Восемь лет военной службы были связаны с госпиталями (Касимовским, в Бородинском пехотном полку), выездами на борьбу с эпидемиями; наконец, женившись в Москве на Марии Фёдоровне Нечаевой, поступил в московскую больницу для бедных, где прослужил почти до смерти шестнадцать лет».³ Служба Михаила Андреевича была отмечена наградами: «В 1825 г. получил орд. Св. Анны 3 ст. В 1829 г. орд. Св. Владимира 4 ст. В 1832 г. орд. Св. Анны 2 ст. В 1837 г. орд. Св. Станислава 3 ст.».⁴

Официальная версия смерти отца писателя – апоплексический удар. Но есть и неофициальная: смерть насильственная, помещик был убит собственными крестьянами, хотя удар у Михаила Андреевича был уже не первый.

Михаил Андреевич Достоевский умер в 1839 году, а ровно через сто лет, в 1939, выйдет книга В. С. Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских». Её автор записала рассказы крестьян, внуков тех крепостных М. А. Достоевского, которые были якобы причастны к этому страшному событию. Приведём один из них: «Черемошинские мужики задумали с ним (М. А. Достоевским. – Т. К.) кончить. Сговорились между собой – Ефимов, Михайлов, Исаев да Василий Никитин. <...> Петровками, о сю пору, навоз мужики возили. Солнце уже высоко стояло, барин спрашивает, все ли выехали на работу? Ему говорят, что из Черемошни четверо не поехали, сказались больными. “Вот я их вылечу” – велел дрожки заложить. А у него палка вот какая была. Приехал, а мужики уже стояли на улице. “Что не едете?” – “Мочи, – говорят, – нет”. Он их палкой, одного, другого. Они во двор, он за ними. Там Василий Никитин – здоровый, высокий такой был, его сзади за руку схватил, а другие стоят, испугались. Василий им

крикнул; «Что же стоите? Зачем сговаривались?» Мужики бросились, рот барину заткнули, да за нужное место, чтоб следов никаких не было. Потом вывезли, свалив в поле, на дороге из Черемошны в Даровое».⁵

Вот таким и сохранился образ этого человека в народной памяти. «Плохой, жестокий, жуткий!» В Даровом, Черемошне и Моногарове вам расскажут самые разнообразные версии убийства М. А. Достоевского. Постоянным в них является лишь факт насильственной смерти – место, причины, способ, орудия убийства варьируются.

«Отец Достоевского был жестокий, крестьян бил. Держал, как говорят, на коротком поводке. За это и поплатился. Его повесили в лесу. Он девочек молодых обижал – за это его и наказали. За Черемошной в лесу его и повесили», – Нина Терентьевна Чухнина слышала эту историю от своей бабушки – Марины Сергеевны Широковой, которая была экономкой у племянницы Достоевского Марии Александровны Ивановой.

«Барин был жестокий человек. Если крестьянин провинился – на конюшню пороть. Крестьяне ожесточились, сговорились между собой. Оставили в конюшне под крайней кормушкой навоз, а он следил за чистотой – старый барин! Как обычно, приходит на конюшню: – Что такое? – Подбегает старший конюх: – Не вижу! – Тогда барин нагнулся: – Вот, вот... – Старший конюх набросился на барина, начал душить, а барин был жилистый, никак старший конюх с ним не справится. Мужики же боятся подойти. Старший конюх кричит: – Если вы мне не поможете – я сейчас барина удушю и вас всех потом перебью.

Ну, тут все набросились, барина убили, задушили. Барин посинел. Что делать? Посадили его в коляску, налили ему в рот вина (бабушка не знала: порозовели у него щеки или нет) и отвезли километра за два, на Черемошинское поле, там и бросили. Старший конюх всем руководил», – эту историю мы слышали от Леонида Еремина, чьё детство прошло в Даровом. Ему её

рассказывала бабушка – Евдокия Алексеевна Копцова.

«Отец Достоевского был жестоким, поляк был, порол девушек, сожительствовавал. А крестьяне сговорились, одни из Дарового, другие из Черемошни. Ему в рот насильно влили спирт, горло заткнули и привезли в поле на перекресток. А попу сказали, что с баринком случился удар. Родственники не стали затевать судебное дело, чтобы не позориться», – этот рассказ мы слышали от старшей жительницы Дарового Клавдии Петровны Романцовой.

Мария Михайловна Ксенофонтова тоже с детства слышала историю смерти барина: «Плохой, жестокий, жуткий! Его наши удавили, давношные, мы уж не помнили их. Они ему чего-то напихали в рот. Был он жестокий-прежестокий. Ловил, когда в лес ходили». Любопытно, но дедушка Марии Михайловны Ксенофонтовой, Иван Васильевич Мелехов, в воспоминаниях, вошедших в книгу Нечаевой, рассказывает почти официальную версию смерти барина, которая отличается от рассказов остальных крестьян: «Барин ехал на дрожках по дороге из Дарового в Черемошну, с ним сделался удар, кучер его оставил в поле и поскакал за священником в Моногарово. Приехавшие следователи полмесяца жили в деревне, всех поодиночке опрашивали, детям конфет давали, но ничего подозрительного не нашли».⁶ Нечаева делала эти записи в 20-е годы XX века, и мы видим, как в пределах одной семьи за неполный век изменилась память об этом уже легендарном событии. Конечно, в послереволюционное время версия об убийстве жестокого барина крестьянами воспринималась как ещё одно доказательство справедливого народного гнева, который кипел веками. И если до появления книги Нечаевой местные жители излагали и официальную, и неофициальную версии (об этом свидетельствуют их опубликованные показания), то после публикации воспоминаний крестьян версия насильственной смерти помещика Достоевского в среде местных жителей стала единственной. И чем моложе человек, рассказывающий эту легенду, тем больше в

ней пикантных подробностей, взятых из современных ужасиков.

Получается, что современные легенды о смерти Достоевского имеют отчасти литературное происхождение. Убедительным представляется объяснение открытия факта насильственной смерти, идущее от А. М. Достоевского, брата писателя, причин, по которым даже родным убиенного было невыгодно признать факт насильственной смерти: сошлют всех черемошинских мужиков на каторгу – хозяйство будет совсем разорено. Очевидно, факты такого сокрытия насильственной смерти часто встречались в российской действительности, ведь один из них приведен даже в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души», известной огромной силой художественной типизации. Так, описывая в 9 главе 1 тома бунт казенных крестьян Вшивой-спеси, Боровков и Задирайлова тож, автор рассказывает о насильственной смерти некоего Дробяжкина – «земской полиции», который, «имея кое-какие слабости со стороны сердечной, приглядывался на баб и деревенских девок». А дальше у Гоголя, как в рассказах жителей Дарового и Черемошни: «...дело было тёмно, земскую полицию нашли на дороге... дело ходило по судам и поступило наконец в палату, где было сначала рассуждено в таком смысле: так как неизвестно, кто именно из крестьян участвовал, а всех их много, Дробяжкин же человек мертвый, стало быть ему немного в том проку, если бы даже он и выиграл дело, а мужики были ещё живы, стало быть для них весьма важно решение в их пользу... а умер-де он, возвращаясь в санях, от апоплексического удара». Вот вам готовое объяснение событий. И написано это спустя 3 года после смерти М. А. Достоевского, в 1842 году!

Почти все местные жители убеждены, что старый барин (так в Даровом и Моногарове и сейчас называют отца писателя) похоронен на старом Славянском кладбище, которое находится рядом с Поповой рощей. Там когда-то была часовня. Сейчас это окруженная полями роща, совершенно заросшая, дремучая, непролазная. В чащу её можно проникнуть какими-то звериными

тропами. Кое-где видны вросшие в землю могильные плиты когда-то белого камня. До XX века это кладбище было Даровским с одной стороны, Комовским – с другой. «Там была деревянная церковь, вроде часовни. Мне об этом рассказывала бабушка Домна Григорьевна Чухнина, – говорит Клавдия Петровна Романцова, – отец Достоевского похоронен там, на старом кладбище». Этой же версии придерживается и зарайский краевед Владимир Иванович Полянчев: «Михаил Андреевич Достоевский, его дочь Вера Михайловна, его внебрачный сын, и племянницы писателя похоронены на старом кладбище, которое действовало до 23-го года. Все старожилы были так убеждены. Место расположения часовни можно легко определить. У меня есть план, где отмечены все сохранившиеся могилы».

На новом Моногаровском кладбище, по свидетельству местных жителей, стали хоронить с 20-х годов XX века и, скорее всего, там была похоронена последняя хозяйка Дарового – племянница писателя Мария Александровна Иванова, умершая в 1926 году.

Если память народная сохранила негативный облик отца писателя, то о племянницах Ф. М. Достоевского местные жители вспоминают с необыкновенной теплотой. Ольга Александровна Иванова несколько лет жила в Черемошне, где учительствовала. «Такая добрая женщина была, – вспоминает М. М. Ксенофонтова, когда-то посещавшая её занятия, – умница-преумница, таких мало, она всему учила нас. Была подстрижена под мальчика. Простые люди были. У нас школы не было, но тётя Аксюша пускала. Ольга Александровна всегда бедных выручала. У нас магазина не было, чернила и тетради покупали в Алферьеве, а бедным она сама обязательно покупала. Бывало, пойдем в лес, соберём орехи, продадим, а потом на эти деньги что-нибудь купим. У нас много бедных было. И маму нашу выручала, когда денег не было, и других: кому брюки купит, кому рубашку, кому что. Они с Юлией Александровной жили в доме у Гаврилы с Катериной. Наша мама была очень аккуратная, они у неё

молоко покупали, маслице. И Марии Александровне мама носила творог, пирожком таким. И мы с ними ходили. Добрые люди были – обязательно накормят. А ещё у Марии Александровны был большой граммофон – нам включали послушать, у нас-то сроду такого не было. Добрые были племянницы. Потом, говорили, что Ольга Александровна уехала в Брянск к падчерице⁷, а Марья Александровна похоронена на старом кладбище рядом с Поповой рощей».

Клавдия Петровна Романцова водила нас на Ново-Моногаровское кладбище и показывала плиту, под которой, по её мнению, покоится прах племянницы великого писателя – Марии Александровны Ивановой, последней владелицы Дарового. «Простые они были – Мария Александровна и Ольга Александровна. Мама моя им пенсию из Зарайска носила, они всегда в дом приглашали, конфетами угощали. Они собирали по вечерам мужиков и учили их грамоте».

Нина Терентьевна Чухнина несколько лет назад подарила музею мебель, доставшуюся ей от матери, которая была крестницей Марии Александровны Ивановой: «Мама в 1925 году выходила замуж, и Мария Александровна дала ей приданое – сундук, гардероб, посуду, шкаф, этажерки. Мне мама приблизительно показывала, где на старом кладбище похоронены отец Достоевского, его внебрачный ребенок. А Мария Александровна похоронена на новом Моногаровском кладбище, другие же сестры здесь не похоронены». На вопрос, слышала ли она раньше, что отец Достоевского мог быть похоронен у Моногаровской церкви, женщина решительно ответила: «Нет! И мама, и бабушка говорили, что он похоронен на старом кладбище. Даже разговора я такого не слышала. Когда я была маленькой девочкой, мы часто бегали к церкви, там было много надгробий, но про Достоевского мы не слышали».

Почему же так единодушны все местные жители в определении места захоронения отца Достоевского? Почему никто из них даже не обмолвился о возможном

захоронении у Моногаровской церкви?

А ведь храм Сошествия Святого Духа когда-то был окружен кладбищем, которое тоже было уничтожено, разграблено: могильные плиты использовались жителями Моногарова для хозяйственных нужд. Страшные следы этого кощунства остались до сих пор: в одном из сельских огородов валяется такое надгробие. Кстати, именно у Моногаровской церкви мы сделали очень интересную находку: в овраге за церковью мы нашли прекрасно сохранившееся надгробие из черного мрамора с четкой надписью: Мельгунов Иван Николаевич (1845 – 1901). В окрестностях Дарового, в сторону от Черемошни есть местность, которую жители до сих пор называют Мельгуново поле. Оно расположено на пути из Черемошни в Назарьево. И вот из рассказа жительницы Черемошни Марии Михайловны Ксенофоновой мы узнаем, что в Назарьево жил «добрый барин» Мельгунов.. Народная память, очевидно, совершенно произвольно сместила временные границы: женщина сравнивала «барина Достоевского» (отца писателя – *Т. К.*) и «барина Мельгунова», жизни которых хронологически не могли совпасть, как «зверья» («плохой, жестокий, жуткий») и «доброе» («лучше не было Мельгунова»). О «доброе» барине Мельгунове нам рассказывали и жительницы деревни Назарьево Анна Варфоломеевна Воробьева и Анастасия Анисимовна Капитонова. От своих предков они слышали, что барин был хороший, платил работникам хорошо, школу земскую построил: «Когда была революция, его дом сожгли, а самого барина не тронули». Здесь мы опять встретились с произвольным смещением целых пластов истории. Приведем продолжение этого рассказа: «Про Достоевского же говорили, что он был жестокий, грубый, и его мужики черемошинские убили. Лес такой есть – Беичево. Там в «голове» (это поляна такая в конце леса) его и убили. А Мельгунов потом уехал в Рязань, там работал в институте. И звали его Владимир Иванович». Бесспорно, речь здесь идет уже о другом Мельгунове, сыне того, что покоится у Моногаровской

церкви.

История «барина Мельгунова», закрепившаяся в народном сознании, очень противоречива. Очевидно, она уже превратилась в своеобразную легенду, в силу своей драматической основы: от «добротного барина» Мельгунова удавилась в лесу молодая девушка Катя из деревни Дмитровки. «Мы боялись ходить в этот лес, там до сих пор есть дуб Кати-удавленницы, – вспоминает М. М. Ксенофонтова, – мне про этот дуб мама рассказывала, а она была с 1883 года». Нам пока не удалось проверить достоверность этой легенды, хотя бы приблизительно установить время её возникновения. Если она рождена событиями первой половины или середины XIX века, то ситуация «добротного барина и девочки-удавленницы», встречающаяся в романах Достоевского («Преступление и наказание», «Бесы») может быть отголоском этих реальных событий.

Вообще в повседневной жизни Дарового, Моногарова, Черемошни до сих пор встречаются какие-то обычаи, проявления чувств, которые, как нам показалось, хранят память времени детства Достоевского. Еще одна наша находка не принадлежит к разряду материальных. В Черемошне и Моногарове мы обратили внимание на необычное, с точки зрения современного человека, оформление чувства умиления. Но тем, кто знаком с творчеством Достоевского, странным оно не покажется. Речь идет о целовании руки. Как тут не вспомнить страницы «Идиота», «Братьев Карамазовых»? Но две пожилые женщины, явно никогда не читавшие Достоевского, совершили это абсолютно произвольно. Жительница Черемошни, растроганная прощанием со студентами, неожиданно сказала: «Дочка, дай я хоть ручку-то твою поцелую!» Спустя несколько дней, уже при совершенно других обстоятельствах (у нас было что-то вроде посиделок, когда студенты вместе со старожилками пели народные песни) другая пожилая женщина из Моногарова тоже в порыве умиления, но уже молча повторила то же самое. Конечно, мы не могли сразу же задавать женщинам какие-

то вопросы, пытаться выяснить происхождение этих жестов, которые, может быть, уходят корнями очень глубоко.

Как отличить сказку от были? Мы часто задавались этим вопросом, потому что слышали от местных жителей много историй о чудесных кладах, таинственных захоронениях, мистических видениях. Иногда казалось, что фольклор творится на глазах наших: вот житель средних лет рассказывает нам о странном огне, который часто горит в Миленином лесу: всё вокруг горит, а потом вдруг исчезает этот загадочный огонь! А рядом сидят ребятишки и слушают эти рассказы и потом когда-нибудь повторят их, если зацепятся эти легенды в их памяти. А вот местный старожил объясняет нам происхождение названия реки Кошейки: «На дне её жил царь Кошей и хранил он несметные богатства, клады». Местные жители убеждены, что деревня их очень древняя. Один из них рассказывал нам, что слышал от бабушки, как ещё до революции нашли в Даровом клад серебряных чешуйчатых монет: «Когда пахали, разбили кувшин, только горлышко осталось, сам он разбился. Соседка ходила по огороду с решетом и собирала монеты». Ходила по деревням легенда, будто какого-то священника погребли с огромным золотым крестом. В Даровом нам рассказали, будто однажды на старом кладбище разрыли старую могилу, «видимо, этот крест искали». В Моногарове мы слышали про усыпальницу священников, которая была под самим храмом: «Одного священника там похоронили с большим золотым крестом...»

Конечно, среди этих рассказов мы встречали и откровенные домыслы: «Помню-помню, стояли надгробия у церкви и среди них огромный памятник, на котором написано – Достоевский!» А кто-то из местных жителей откровенно признавался, что раньше вообще про Достоевского ничего не слыхали. Кто-то говорил с сожалением: «Если бы знали раньше, что Достоевский – великий писатель, обязательно бы расспросили бабушек и дедушек о прошлой жизни! Кто ж знал, что теперь все им заинтересуются!»

Это время пришло. Только нужно, чтобы идеей возрождения Дарового заинтересовались не только местные власти, чей бюджет ограничен. Восстановление родового имения Достоевского – дело общероссийское! Только когда же она, власть эта, поймет, что должны мы «уважать минувшее» и этим уважением отличаться от вековой дикости?

Даровое – удивительное место... Чем-то притягивает эта земля, та мифопоэтическая атмосфера, которая связана уже не только с несколькими годами пребывания на ней Фёдора Михайловича Достоевского, но и с той памятью, которая хранится уже почти два века. Может быть, поэтому некоторые студенты через год поехали работать в Даровое уже не «за практику», а «за идею». Думаю, каждый из студентов, поработавший в Даровом, не просто понял, а прочувствовал слова Достоевского, посвященные его родным местам: «...ничего в жизни я так не люблю, как лес с его грибами и дикими ягодами, с его букашками и птичками, ёжиками и белками, с его, столь любимым мною, сырым запахом перетлевших листьев. И теперь даже, когда я пишу это, мне так и послышался запах нашего деревенского березняка: впечатления эти остаются на всю жизнь».⁸

PS. Летом 2005 года в Даровом проходили археологические работы, которые позволили собрать интересный материал об истории

имения. В августе того же года около храма Сошествия Святого духа в Моногарове был поставлен памятный крест и обозначено место предполагаемого захоронения отца великого писателя – Михаила Андреевича Достоевского. Профессор кафедры литературы Владимир Александрович Викторovich нашел точное подтверждение в архивах брата писателя, Андрея Михайловича Достоевского, факта захоронения его отца на погосте Моногаровской церкви. Может быть, с этого и начнется новая страница жизни Дарового, его превращение в настоящий музей-заповедник, который, бесспорно, станет местом паломничества ценителей творчества Достоевского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полянцев В. И. Зарайская энциклопедия. М., 1995. С. 82.

² Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1877.

³ Пономарёва Г. Музей-квартира Ф. М. Достоевского в Москве. М., 2002. С.61 – 62.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939. С. 53 – 54

⁶ Там же. С. 52

⁷ По свидетельству внучатой племянницы О. А. Ивановой, Веры Ивановны Михневич, Ольга Александровна переселилась в Коломну, где и умерла в 1941 году в возрасте 86 лет. См. об этом: Коган Г. Ф. Письма из Коломны // Литературные мелочи прошлого тысячелетия. Коломна, 2001. С.140.

⁸ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876.